

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

ЦВ. ТОДОРОВ

ПРИНЦИПЫ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Установить происхождение населения на большей или меньшей территории значит вскрыть и объяснить существеннейшие моменты в его истории, найти ключ к страницам его прошлого быта, культуры — страницам, которые иначе остались бы скрытыми от нас или же получили бы неправильное освещение. Выполнение этой задачи связано со значительными трудностями. Это объясняется не столько отсутствием или недостатком исторических данных о происхождении населения, являющегося предметом исследования, сколько слабой теоретической разработкой принципов и методов этногенетических исследований.

Настоящий доклад, основанный на болгарских материалах (как самого автора, так и других ученых), имеет целью наметить основные направления в разработке вопросов этногенеза.

Для любого исследователя этих вопросов обязательным предварительным условием является выяснение общих причин, вызвавших передвижение населения на территории страны и за ее пределами. Эти причины, как известно, определяются географическими, экономическими и историческими условиями жизни исследуемого народа. Следовательно, в разрешении проблемы этногенеза отдельных народов недопустимы шаблон и догматизм.

Передвижение населения на территории Болгарии и миграция его за пределы страны были вызваны рядом причин.

В первую очередь необходимо отметить сильно действовавший притягательный фактор. Его большая или меньшая интенсивность и сфера действия определялись географическими особенностями области и непосредственно связаны с материальными условиями жизни населения, густотой его расселения в первоначальном месте жительства и на новой территории. Действие данного фактора ярко иллюстрируется общей тенденцией обитателей горных районов переселяться в более плодородные равнинные области. Для этого вида переселений характерно постепенное продвижение переселенческой волны, густота которой, в зависимости от ряда конкретных причин, может быть различна в отдельных пунктах ее продвижения. В Болгарии можно выделить четыре основных центра, откуда шла миграция населения: 1) Старопланинская область, 2) Родопская область, 3) Македония, 4) Пограничная горная область в западной части страны.

Вторым фактором, обусловившим переселения, являлись особенности исторических судеб страны. В истории Болгарии необходимо выделить следующие крупные исторические события: военные походы венгров в за-

* Доклад на этнографическом совещании в Ленинграде, в мае 1956 г.

падные пределы Дунайской Болгарии в 1260—1266 гг., во времена Белаша IV и Стефана V; поход польско-венгерского короля Владислава III, прозванного Варненчиком, в северо-восточную Болгарию в 1444 г.; двукратное нашествие вилинского князя Михаила Храброго в 1594—1596 гг. в придунайскую Болгарию; тюркизация болгарского населения в XVI—XVII вв.; австро-турецкие войны и вызванное ими Чипровское восстание 1688 г.; русско-турецкие войны, в частности войны 1806—1812 и 1828—1829 гг.; Нильниденское восстание 1903 г. и ряд других восстаний местного значения. Непосредственным результатом всех этих исторических событий были многочисленные переселения внутри страны и за ее пределы. Так, например, последствием вторжения в страну валахских войск Михаила Храброго и поражения турок под Никоподем явилось падение и сожжение пяти городов (Видин, Свищов, Оряхово, Враца и Плевен) и более двух тысяч сел между Дунаем и Старой Планиной; после подавления вспыхнувшего в 1598 г. Тырновского восстания, непосредственно связанного с этим походом, 50—60 тысяч болгарских семейств, спасаясь от мщения турок, бежали в Валахию. Аналогичная картина наблюдалась и после подавления Чипровского восстания, когда новые тысячи болгарских семейств, спасаясь от турецких ятаганов, бросали родные очаги и искали спасения в Валахии. Отсюда некоторые из них впоследствии переселились в Австро-Венгрию, в область Банат, где до наших дней живут потомки старых переселенцев, все еще сохраняющие свой язык и культуру. Напомним также о бесчисленных вереницах беженцев, уходивших в 1829 г. вслед за русскими войсками и оседавших по всей северо-восточной Болгарии, северной Добрудже и Бессарабии. Земли, оставленные переселенцами, были заняты турецкими колонистами или болгарами соседних районов.

Третьим фактором, вызывавшим миграции, также являлись причины политического характера. Так, в результате притеснений со стороны турецких властей и албанских пришельцев значительная часть македонского населения, начиная с XVI в., вынуждена была эмигрировать на северо-запад и восток; часть этих эмигрантов, известная под именем арнаутов, поселилась в Силистренской области, северной Добрудже и Бессарабии. Наблюдались случаи, когда в поток переселенцев включались и коренные албанцы, ставшие основателями ряда новых населенных пунктов в Болгарии, как это имело место при основании гор. Копривщица. Второе крупное переселение болгар из Видинской, Белградчикской и Ломской околий наблюдалось в 1861—1863 гг., когда на место болгарского населения, согласно Парижскому мирному договору 1856 г., были переселены татары и черкесы с Крымского полуострова и с Кавказа. С другой стороны, освобождение Болгарии (1877—1878 гг.) стало причиной ухода большого числа турок (особенно из восточной Болгарии), чьи земли были в свою очередь заняты болгарским населением; значительные переселения турок за пределы Болгарии наблюдались и в позднейшее время. Особенно много болгарских беженцев из разных районов Беломорской Фракии, Македонии, западных окраин и южной Добруджи было после балканских войн и первой мировой войны; они осели по всей территории страны, образовав новые села или новые кварталы в ряде городов и сел. Последний поток переселенцев внутри страны наблюдался после Крайовского соглашения между Болгарией и Румынией (1940 г.), когда болгары северной Добруджи, за небольшим исключением, были переселены на территорию южной Добруджи. Следует также упомянуть о тех небольших перемещениях населения, которые имели место после освобождения Болгарии от гитлеровцев.

Что касается инонационального населения, нашедшего убежище в Болгарии, то здесь в первую очередь необходимо отметить румын, поселившихся в конце XVIII и начале XIX в. на правом берегу Дуная в Видинской, Ломской, Оряховской и Плевенской околиях. Небольшая группа словаков

живет в Плевенской околии, но в последнее время, вследствие переселения на родину, число их значительно сократилось.

Следует сказать и о переселениях, вызванных стремлением удалиться от главных путей передвижения турецких войск или шаек башибузуков. Нередко также жители покидали населенные места вследствие возникавшей там эпидемии. Такие миграции были в Болгарии распространенным явлением и хорошо сохранились в народной памяти. Их легче установить, чем миграции, вызванные указанными выше причинами.

Как показывает наш краткий обзор исторических судеб болгарского народа, в его истории было достаточно предпосылок для создания сложных этнических переплетений, раскрытие которых требует немало усилий. Трудность решения этой задачи усугубляется тем, что изменения в составе населения нередко были результатом действия целого комплекса факторов.

Для того чтобы перейти от общих положений к задачам конкретного этногенетического исследования, необходимо иметь в виду два предварительных условия общего характера.

Первое — это правильная географическая и экономическая характеристика области или села, население которых служит объектом исследования. Уже одна такая характеристика позволит частично вскрыть причины, вызвавшие передвижение населения и направления этого передвижения. Необходимо признаться, что в этой области у нас не все обстоит благополучно: даже и пытаясь подойти к вопросу с этой стороны, ученые чаще всего ограничивались простым описанием с приведением отдельных статистических данных или общей констатацией фактов.

Второе условие — это детальное выяснение исторических событий, имевших место на исследуемой территории. Этого требует самая сущность этнографического исследования, дающего возможность обнаружить причины переселений. Несомненно, только такой подход обеспечивает правильность и целостность этногенетических исследований.

В зависимости от его характерных черт население данной области или села может быть разделено на три группы: однородное, разнородное и смешанное. В двух последних случаях легко доказать различное происхождение отдельных групп населения; не так легко решается вопрос при обследовании первой категории населения — с однородным составом. Однородность может быть исконной, первичной, но может носить и вторичный характер, т. е. являться результатом продолжительного нивелирующего процесса. В таком случае первой задачей этнографа-исследователя является выяснение характера однородности состава данной группы населения. Здесь встает общий вопрос — какие характерные черты исследователю необходимо взять за критерий; к решению его мы вернемся ниже, так как критерии эти в основном те же, что и при рассмотрении вопроса о происхождении разнородного или смешанного населения.

При исследовании происхождения разнородного населения перед этнографом встает ряд вопросов: 1) откуда пришла исследуемая группа населения; 2) какими путями она пришла на место настоящего жительства; 3) какие причины заставили население оставить первоначальное место обитания; 4) когда и во сколько приемов происходило переселение.

Как мы уже говорили выше, исчерпывающе ответить на поставленные вопросы можно только при точно установленных критериях и хорошо разработанных методах исследования¹.

¹ В данном случае мы имеем в виду методику этногенетических исследований, а не многочисленные программы или труды наших и зарубежных географов и антропогеографов. Естественно, они могут и должны быть использованы при этногенетических исследованиях, при условии критического к ним подхода, памятуя, что языковые данные в них либо полностью игнорируются, либо играют второстепенную роль. Даже и в тех случаях, когда эти данные приводятся, они остаются изолированными от общего контекста, не будучи связаны с остальными этнографическими фактами и явлениями.

Как раз в этой области в болгарской этнографической литературе наблюдается значительный пробел, да и вообще можно сказать, что в методологической литературе по общей этнографии здесь еще не достигнуто единомыслия.

Если познакомиться с методами работы некоторых болгарских и иностранных исследователей и достигнутыми ими результатами, можно констатировать факт, что за редким исключением они ограничиваются в подобных случаях одним каким-либо критерием этнографического или лингвистического характера. Если они в своих исследованиях и прибегают к другим критериям, то не для проверки полученных данных, а только для того, чтобы подтвердить свои выводы, или в погоне за формальной полнотой. Так, известный болгарский этнограф Д. Маринов, взявший основным критерием во 2-й книге своего труда «Живая старина» одежду, распределил все население между Тимоком и Искыром, Старой Планиной и Дунаем на шесть племенных групп, в то время как по языковому критерию оно подразделяется на четыре или на три группы. Этот автор даже не попытался примирить или объяснить явные противоречия. Нельзя достигнуть необходимых результатов и в том случае, если за критерий взять только языковой признак, так как общность говора двух отдельных областей или населенных пунктов, а также общность отдельных языковых элементов не могут быть достаточными для решения вопросов о первичности и вторичности происхождения отдельных групп населения.

Подобная методологическая ошибка была допущена А. Маргулиесом² в его предположении, что «данная языковая область (речь идет о белоградчикско-трынском говоре.— Ц. Т.) простиралась ранее на много дальше в область распространения современного западноболгарского диалекта, и взаимоотношения здесь особенно осложнены позднейшей болгаризацией». Есть полное основание утверждать, что к такому выводу мог прийти только ученый, не имевший возможности познакомиться с языковыми взаимосвязями на месте и проверить правильность применения своих критериев по другим этнографическим, демографическим и языковым данным.

Еще более несостоятельными являются выводы, основанные только на одном языковом признаке, притом второстепенного значения. Так и поступил Хр. Лазаров в статье «Особенности консонантизма врачанского говора»³, в которой он проводит мысль, что на говор одной части населения Врачанской области оказало влияние старое местное романизированное население. Это утверждение лишено каких-либо научных оснований. Явление, которое автор имеет в виду, а именно исчезновение (редукция) мягкого «л» (например, «чѣят» вместо «челят», «Юбен» вместо «Любен» и др.), возникло в позднейшее время и встречается спорадически и в других болгарских говорах.

То же самое можно сказать и об утверждении Г. Вейганда⁴, что, если судить по названию села, некогда жителями Влашко село Врачанской околии были румыны.

Некоторые ученые, преимущественно антропогеографы, берут критерием для своих выводов жилище, а иногда даже одну его часть, например, крышу. Смелый опыт в этом направлении предпринял известный сербский ученый Йован Цвиич⁵, когда, располагая довольно скудным материалом, особенно в отношении Болгарии, попытался на основе классификации отдельных типов жилища выделить определенные районы на территории Балканского полуострова. Известно, что тип дома (конструкция и внутрен-

² A. Margulies, Historische Grundlagen der südslavischen Sprachgliederung, «Archiv f. slavische Philologie», Bd. 40, 1926, стр. 197—222.

³ «Българска сбирка», т. XIII, София, 1906, кн. 4, стр. 224—230.

⁴ G. Weigand, Rumänen und Aromunen in Bulgarien, «Jahresbericht d. Instituts f. rumänische Sprache», Bd. XIV, Leipzig, 1907, стр. 1—104.

⁵ J. Cvijić, La Péninsule Balkanique, Paris, 1918.

няя планировка) определяется географическими условиями и основными занятиями населения.

Что касается использования в качестве критерия для определения этнических границ некоторых обычаев, то в этом отношении поучительна статья А. Селищева «К изучению „Службы” и „Славы”»⁶.

В Болгарии серьезную попытку поставить этногенетические исследования на более широкую основу предпринял Л. Милетич, в основном в двух своих трудах: «Старое болгарское население в северо-восточной Болгарии»⁷ и «Наши павликиане»⁸. В обеих работах автор использовал как языковые, так и исторические и этнографические данные, что дало свои положительные результаты. Однако некоторые вопросы остались нерешенными, как, например, вопрос о происхождении и этнической принадлежности населения в так называемых «сыртских» селах Провадийской околии. Причина этого — в неумении применить критерии исследования комплексно, обеспечить необходимую взаимопроверку отдельных критериев.

В своей работе «Население территории между Тимоком, Искыром и Старой Планиной»⁹ автор настоящего доклада пытался преодолеть этот недостаток современных этногенетических исследований, однако полностью сделать это ему не удалось. Теперь, располагая данными значительного количества наблюдений и опытом диалектологических и этнографических исследований, я попытаюсь изложить существо достигнутых мною результатов, которые могут быть подвергнуты обсуждению в качестве принципиальных положений.

Основной вопрос, возникающий при всяком этногенетическом исследовании, состоит в том, чтобы решить, какие данные — историко-археологические, этнографические или лингвистические — должны лечь в основу подобного исследования. Выше мы уже видели, что предпочтение того или другого вида данных в прошлом зависело, да и теперь еще нередко зависит, от узкой специализации исследователя. Между тем такое положение нельзя признать нормальным, так как отдельные данные не обладают одинаковой устойчивостью, которая зависит от ряда побочных причин. Поэтому исследование должно носить комплексный характер; этнографические и лингвистические данные, являясь основным материалом этногенетических исследований, должны изучаться в историческом аспекте.

Важно определить территориальные границы исследуемого объекта, так как в методике исследования многое зависит от того, является ли предметом исследования население всей области, группы сел или отдельного населенного пункта.

Схематически это можно представить следующим образом:

1. Население целой области. Прежде всего необходимо установить характер границ исследуемой области. Затем следует наметить географические точки соприкосновения исследуемой этнолингвистической области с соседними этнолингвистическими областями, обратив особое внимание на то, какие отдельные этнографические и лингвистические элементы или их комплексы получили распространение за первичными границами их бытования, и, наоборот, какие чуждые элементы проникли в исследуемую область и укрепились там.

Географический характер границ, а также соотношение этнографических и лингвистических элементов или их комплексов помогают определить не только однородность или смешанность населения, но и направления и хронологические рамки передвижений.

⁶ «Македонски преглед», т. VI, кн. 4, София, 1931, стр. 1—22.

⁷ Л. Милетич, Старото българско население в Североизточна България, София, 1902.

⁸ Л. Милетич, Нашите паликиани, «Сборник за народни умотворение», XIX, стр. 1—369.

⁹ Цв. Тодоров, Населението между Тимок, Искър и Стара Планина, «Списание на Българската академия на науките», т. 55, София, 1937, стр. 237—287.

Наблюдаются и такие случаи, когда одна этнолингвистическая область настолько вклинилась в соседнюю, что первичная целостность этой последней нарушена и на ее месте возникли две отдельные, не связанные между собою части. И в данном случае необходимо определить формы, размеры и направление проникновения одной области в другую, а также соотношение вновь возникших этнографических и лингвистических областей.

2. Население группы сел. Здесь могут встретиться два варианта: а) села сгруппированы в одном месте, б) села отдалены одно от другого на большее или меньшее расстояние. Как в первом, так и во втором случае перед исследователем стоит задача в первую очередь изучить географическое положение группы сел и взаимосвязи между отдельными селами. Далее, необходимо определить возможные пути передвижения населения к современным местам обитания. Решение последней задачи во многом зависит от того, сохраняются ли какие-либо реальные связи между старыми и новыми местами жительства исследуемого населения¹⁰.

3. Население отдельных обитаемых пунктов. Первая задача заключается в определении типа населенного пункта. Далее необходимо выделить его отдельные кварталы, с тем чтобы вскрыть тенденции пространственного развития села в прошлом, величину отдельных кварталов, их форму и взаимоположение.

Следующая задача этногенетических исследований заключается в выяснении взаимосвязей между названиями отдельных населенных пунктов и их жителей. В одних случаях они имеют общее название (например, Знеполье — знепольцы), в других — свое наименование сохраняет только население (например, рупцы, хырцои, помаки), а занимаемая ими территория его утратила. При определении названия следует также выяснить, болгарского или иного оно происхождения, не является ли оно переводом какого-либо старого иноземного названия, патронимического или нарицательного оно характера и т. д. Наконец, следует постараться вскрыть наименования отдельных родовых общин, сохранившихся в Болгарии до новейшего времени.

Первая перепись населения Болгарии (1881 г.) неполноценна и не может быть полностью использована при этногенетических исследованиях. Не пренебрегая статистическими данными, их необходимо дополнить сведениями, почерпнутыми из различных преданий и воспоминаний, что позволит полнее вскрыть этнический состав соответствующей группы населения, проследить его движение, а также причины и характер этого движения.

Важным условием для этногенетических исследований является сбор и анализ местного исторического материала. Следует привлечь всевозможные косвенные исторические сведения, как, например, свидетельства путешественников, данные письменных памятников, документальный материал. В качестве исторических источников могут быть использованы: а) общинные реестры населения, переписи имущества отдельных сел, семейные хроники, воспоминания и др.; б) памятники материальной культуры. Большое значение имеют надгробные памятники, их форма, надписи и датировка, устные предания об отдельных местностях, лицах, родах, событиях, встречах, сведения, воспоминания о связях с родами других областей и т. д. Отсутствие какой-либо традиции может быть также использовано в качестве негативного критерия.

Большое значение для этногенетических исследований имеют данные фольклора. М. Горький правильно отмечал, что нельзя узнать подлинную историю трудового народа, не зная устного народного творчества. В фольк-

¹⁰ Случай отсутствия реальных связей между сопоставляемыми объектами наблюдается при знакомстве с говором и бытом павликиан Пловдивской, Никопольской, Свищовской областей и Баната, с одной стороны, и говором болгар-мусульман (помаков) Златоградской области, с другой.

лорных материалах содержатся не только исторические, бытовые и литературные данные; эти материалы с их многочисленными вариантами могут служить ориентиром для выяснений путей передвижения создателей и носителей фольклора. Так, например, установлено, что песня о Дитяте Дукадинче возникла в юго-западной Македонии и Албании, но многочисленные ее варианты записаны в Софийской области¹¹. Этот факт, аналогичный продвижению русских былин с юга в северные области, говорит сам за себя.

Как говорилось выше, данные этнографии, наряду с данными лингвистики, являются тем материалом, на основе которого следует проводить этногенетические исследования. Необходимо, однако, учитывать, что в некоторых случаях многочисленные этнографические данные могут только затруднить этногенетическое исследование. Поэтому необходимо учитывать только те этнографические данные, которые обладают известной устойчивостью. К числу их относятся: 1) одежда, особенно женский костюм с его основными частями, их наименованиями, покроем, материалом, цветом, украшениями; 2) жилище и его отдельные части, транспортные средства, земледельческие и пастушеские орудия и т. д.; 3) терминология родства, в Болгарии резко дифференцированная по областям¹²; 4) характерные обычаи и обряды с сопровождающими их песнями, общинные «славы» («служба»), заповедные места («оброци»). Число привлекаемых явлений быта и культуры в различных исследованиях может колебаться, однако здесь никогда не следует гнаться за большим количеством примеров.

Из лингвистических дисциплин для этногенетических исследований наибольшее значение бесспорно имеет диалектология. В этой области исследователь должен придерживаться двух основных требований: во-первых, проводить анализ и интерпретацию языковых фактов и явлений не изолированно, оторванно друг от друга, а с учетом целостности всей языковой системы народа и, во-вторых, изучить территориальное и хронологическое соотношение отдельных говоров или языковых элементов.

Для этногенетических исследований, построенных на данных лингвистики, нужны свои принципиальные критерии, которые могли бы обеспечить научную объективность и достоверность. К сожалению, в рамках данного доклада мы не в состоянии подробно на них остановиться, так как это уже является областью методики диалектологии.

Было бы излишне говорить о большом значении для этногенетических исследований топонимики и ономастики. Проиллюстрируем это всего одним примером: автору настоящего сообщения удалось на основе анализа трех топонимических и патронимических имен установить время и сложный путь переселения значительной по размерам компактной группы населения, живущей в настоящее время между Дунаем и нижним течением р. Цибера; судьба этой группы в прошлом была связана с Чипровским восстанием 1688 г. и его последствиями.

¹¹ См. Ев. К. Теодоров, *Произход на песента за дете Дукадинче*, «Известия на Етнографския институт с музей», кн. 2, София, 1955, стр. 347—393.

¹² Особую ценность в этом отношении представляют данные, собранные среди ассимилированного в языковом отношении населения. Так, например, можно сделать определенные выводы о происхождении так называемых «болгарских гагаузов» (северо-восточная Болгария), даже если принять во внимание только бытующие у них термины родства — «како» (старшая сестра), «лельо» (тетка), «майко» (мать) и др.